

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский (главный редактор журнала «Herald of Europe»), Сергей Капица, Сергей Ковалев, Отто Граф Ламбсдорф, Самуил Лурье, Лорд Брайан Маккензи, Ричард Пайпс, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух, Джон Робертс, Лорд Робертсон, Теодор Шанин

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Владимир Салимон (заместитель главного редактора), Филипп Смирнов (заместитель главного редактора), Владимир Кантор (отдел философии и политологии), Евгений Попов (отдел культуры), Алла Язькова (отдел международной политики), Елена Мокеева (верстка), Ляля Пинигина (техническая редакция и набор), Людмила Захарова (главный бухгалтер), «Магазин искусства», Игорь Пронин (макет и художественное оформление)

Консультанты журнала

Александр Гладков, Николай Головин, Владимир Мау, Андрей Медушевский, Александр Петров, Сергей Синельников-Мурылев, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Гринцман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Лион), Александр Кобак (Санкт-Петербург), Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается при поддержке Института экономики переходного периода, Фонда экономической политики, Фонда поддержки предпринимательства и защиты среднего класса, Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И.Рудомино

ИЗДАНИЕ № 26–27

Некоммерческое партнерство «Издательство журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ №77-1175.

Лицензия на издательскую деятельность ИД №03226 от 10.11.2000.

Адрес редакции: 109189, Москва, Николаямская, 1.

Тел./факс: 937 4926

Интернет-версия журнала: <http://magazines.russ.ru/vestnik>, vestnikvropy.com, **e-mail:** info@vestnikvropy.com

Использование материалов возможно только с письменного разрешения редакции, при перепечатке или использовании ссылка на журнал обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Заказ . Отпечатано в ППП «Типография «Наука».

121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

© Вестник Европы™, 2009

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», составление и редакция текстов, журнал «Вестник Европы» том XXVI

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК



журнал европейской культуры

Основан в Москве в 1802 году
Первый главный редактор Н.М.Карамзин
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М.Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXVI–XXVII год 2009

О РОЛИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ*

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ**

Вопрос о роли интеллигенции в жизни России тесно связан с проблемами национальной элиты. Какую роль интеллигенция играет сегодня, какую роль может и должна играть? Может ли она быть локомотивом культурного и социально-экономического развития страны, духовно-нравственным примером для соотечественников, «совестью нации», «генератором идей», «проводником по дороге в будущее» и т.п., либо подобные надежды безосновательны? Не остался ли от российской интеллигенции лишь исторический миф, и можно ли на нее в случае реального существования распространить понятие элиты? — Ответы на эти вопросы приходится начинать с осмысления самого понятия интеллигенции.

ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Интеллигенция — один из самых популярных и расплывчатых терминов как в науке, так и в общественной практике России. Не случайно ее называют «самым таинственным персонажем российской истории», который окружен «ореолом противоречивых мифов, гипотез, контроверз и плохо совместимых фактов»¹. Трудно найти категорию населения, на которую бы в нашем отечестве обрушивались столько похвал и осуждения одновременно. Особенно острой становится дискуссия о ее роли и судьбах в бурные, переломные для страны периоды истории.

В начале XX века ряд маститых авторов — ученых, литераторов, философов весьма аргументировано отстаивал тезис о российской интеллигенции как уникальном, выдающемся явлении, восхищаясь ее гуманизмом и способностью к самопожертвованию, другой, не менее авторитетный ряд интеллектуалов так же аргументировано обвинял ее в «отрыве от народа» и развращении населения «иностранный отравой»².

После революции 1917 года в среде самой интеллигенции широкое распространение получил тезис о ее виновности в социальной катастрофе, сгубившей прежнюю Россию, в развязывании гражданской войны. Историк и философ П.Б. Струве, например, утверждал: «Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации»³. Интеллигенцию уподобляли «вздувшемуся пузырю на народном теле, оторванному от него и потерявшему всякое живое чувство действительности», указывали на ее политическое бессилие, неспособность изменить ход событий⁴. С другой стороны, в 1923 году широкую известность получило высказывание Максима Горького: «Русская интеллигенция — научная и рабочая — была, остается и еще долго будет единственной ломовой лошадкой, запряженной в тяжкий воз истории России»⁵.

* Примеч.: автор — председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции — организации, созданной в 1999 году Ж.И. Алферовым, Д.А. Граниным, А.С. Запесоцким, К.Ю. Лавровым, Д.С. Лихачевым, А.П. Петровым, М.Б. Пиотровским.

** Текст подготовлен автором в ходе работы по программе исследовательской группы академика РАН О.Т. Богомолова «Взаимодействие духовной и общественной среды с экономикой».

Интересно, что на нынешнем переломе отечественной истории дискуссия о судьбах и роли интеллигенции разгорелась не только с той же силой, но и с теми же аргументами. Нетрудно заметить, что позиции сторон в данной дискуссии зависят от того, что именно, кого именно понимать под интеллигенцией.

Обществоведение советских времен определяло этот феномен как «социальную группу, состоящую из образованных людей, обладающих большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом»⁶. К моменту крушения системы такое толкование уже никого не устраивало. Только в 1990-е годы в России были защищены 30 докторских и 104 кандидатских диссертации, посвященные данной проблематике, состоялось более 50 крупных научных форумов, отраженных в соответствующих сборниках материалов, вышли в свет более 100 книг, а количество статей в периодике превысило возможности библиографического учета⁷. Однако единого, общепринятого определения интеллигенции не существует до сих пор.

Основные элементы современных научных представлений об интеллигенции сформулированы академиком Д.С. Лихачевым в письме «О русской интеллигенции», опубликованном в феврале 1993 года в журнале «Новый мир»⁸.

Понятие это, по Лихачеву, — чисто русское. Ученый не убежден, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разрознена и неоднородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, поморские рыбаки. Вместе с тем ему очевидно, что при всем «ассоциативно-эмоциональном содержании» этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие и типичные черты.

Из принятого в советское время определения у Д.С. Лихачева не вызывало возражения, что интеллигент — это образованный человек, обладающий большой внутренней культурой. Но им выделялись и черты, неведомые официальной советской науке. В первую очередь это — свобода, понимаемая как «независимость мысли при европейском образовании»⁹. В России в условиях деспотизма такая свобода принимает черты «тайной», о которой писали и Пушкин, и Блок. Трудно и скрывать свои мысли, и открыто выражать их. Отсюда особое отношение к деспотизму власти как специфическая черта интеллигенции: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуальная свободная часть общества существует в России и неизвестна на

Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества меньше»¹⁰. Свобода для интеллигента — это нравственная категория. Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и своей мысли. Совесть по Лихачеву — это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни¹¹.

В середине 1990-х годов Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов провел ряд общественно-научных дискуссий с целью уточнения понятия интеллигенции¹². В них принял участие ряд крупнейших отечественных мыслителей того времени, каждый из которых по праву сам мог быть отнесенным к числу знаковых фигур интеллигенции: ученые — Дмитрий Лихачев, Николай Карлов, Никита Моисеев, Борис Раушенбах, Моисей Каган, Борис Парыгин, Владимир Ядов, Николай Скотов, писатели — Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Вадим Кожинов и др. В итоге было выработано определение: **интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью**. Образование без совести и независимости дает обществу иной социальный типаж, названный Солженицыным образованцем¹³. Именно образованцы льнут к власти и не брезгают обслуживанием бизнеса даже в его аморальных проявлениях. Разумеется, они называют себя интеллигентами.

Университетские дискуссии содержали множество любопытных высказываний и замечаний, позволявших более рельефно очертить контуры рассматриваемого феномена. Писатель Михаил Чулаки, к примеру, утверждал, что «интеллигент не может быть харизматической личностью по определению»¹⁴, потому что рефлексирование интеллигента — это состояние, прямо противоположное природе харизматической личности. Вместе с Граниным они сходились на тезисе, что интеллигенция в советское время была нужна власти только для того, чтобы прибрать ее к рукам, заставить служить правящей идеологии. Николай Карлов обращал внимание на то, что настоящий интеллигент должен быть человеком дела¹⁵. Никита Моисеев утверждал, что сила интеллигенции «в присущем ей чувстве недовольства и стремлении к поиску, к отысканию альтернативы установившемуся образу жизни, осмыслению путей его исправления»¹⁶, что в этом плане она выступает как гарант прогресса. Многие критиковали интеллигенцию за левый радикализм, нередко доводивший до беды. Академик Моисеев же замечал на это, что «интеллигенция рождает иногда бунтарей, но никогда не рождает тиранов»¹⁷. Игорь Бестужев-Лада заявлял, что интеллигент — это воплощение Бога на



Земле: «Господь Бог в образе своего Сына Иисуса Христа во всех четырех Евангелиях ведет себя с людьми как истинный интеллигент»¹⁸.

Острая дискуссия развернулась по вопросу целесообразности «хождения» интеллигенции во власть. Некоторые полагали такое возможным и даже необходимым: «Нельзя, чтобы власть была неинтеллигентной».

Д.С. Лихачев отстаивал мнение, уже высказанное им в «Новом мире»: «Люди, подчиняющиеся в своей деятельности и оценках другим людям, системам или партийным требованиям, интеллигентами, как мне кажется, не являются: они отказываются от умственной самостоятельности (а, следовательно, от какой-то части своей духовной жизни), убивают в себе возможность руководствоваться только независимыми от «обстоятельств», партийных пристрастий, политической целесообразности убеждениями. Следовательно, строго партийный человек — не интеллигент, он лишь профессионально работает в области идеологии»¹⁹, — пишет он. И далее продолжает: «...это представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и человек, обладающий умственной порядочностью. Меня лично смущает распространенное выражение «творческая интеллигенция», точно какая-то часть интеллигенции вообще может быть «нетворческой». Все интеллигенты в той или иной мере «творят», а с другой стороны, человек, пишущий, преподающий, творящий произведения искусства, но делающий это по заказу, по заданию, в духе требований партии, государства или какого-либо заказчика с «идеологическим уклоном», с моей точки зрения, никак не интеллигент, а наемник. К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам»²⁰.

Исходя из этой позиции, идя во власть, интеллигент может сохранять, выражаясь словами Д.С. Лихачева, «общую интеллигентность», проявлять ее в личной жизни и профессиональной деятельности, но функционирует он уже как чиновник, а не как интеллигент. В ипостаси чиновника человек обязан соблюдать корпоративную этику. Характерен в этой связи личный пример А.А. Собчака, воспринимавшегося в период перестройки общественным мнением как типичный выразитель дум и чаяний ленинградской интеллигенции. Возглавив демократически избранный Ленсовет и став по должности государственным деятелем, в первые же дни он отметил, что «политика — удивительно грязное дело». В том смысле, что нередко приходится выбирать между аморальным и очень

аморальным решением того или иного вопроса, поскольку иных решений на практике просто не существует»²¹.

Из этого не вытекало, что интеллигент не имеет морального права становиться чиновником или бизнесменом. Как быть — личный выбор человека. Другое дело, что следует понимать цену подобного перехода и в случае его осуществления уже не стоит называть себя интеллигентом. Достаточно быть сочувствующим интеллигенции...

Другой интересный сюжет университетских дискуссий — генезис интеллигенции.

Дмитрий Лихачев отмечал, что уже на рубеже XI–XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента²². Другим прообразом уже на рубеже XV–XVI веков стал монах Максим Грек. По мнению Дмитрия Сергеевича, в XVII веке на Руси подлинных интеллигентов не было. Образованные люди были, но — не «высокая русская интеллигенция нового времени». Не было интеллигенции и при Петре I: «Для ее образования нужно было соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением. Петр опасался появления независимых людей. Он как бы предчувствовал их опасность для государства, избегал встреч с западноевропейскими мыслителями. Во время своих поездок и пребывания в Западной Европе его интересовали прежде всего «профессионалы»: государственные деятели, военные, строители, моряки и рабочий люд — шкиперы, плотники, корабельщики, то есть все те, кто мог осуществлять его идеи, а не создавать их. <...> Среди талантливых и энергичных практиков Петр чувствовал себя свободнее, чем среди теоретиков и мыслителей»²³. (Заметим, что данное суждение весьма дискуссионно и нуждается в проверке. Например, путем сопоставления с историей создания Петром Академии наук). В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. В числе интеллигентов назывался Пушкин. **Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание.** Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

Участники дискуссий согласились и с тем, что **интеллигенция в своем генезисе — специфически российское явление. И появилась она как социальный**

слой изначально в Петербурге. Философ Моисей Каган остроумно заметил, что этот город оказался не столько «окном в Европу», сколько «воротами из Европы, через которые европейское Просвещение становилось достоянием узкого и медленно расширяющегося слоя россиян»²⁴. Здесь российская интеллектуальная элита впервые испытала не только духовное удовлетворение от приобщения к высотам западной цивилизации, но и острое чувство боли от сознания резкого контраста между обретенным ею уровнем идеалов и ужасающей жизнью простых людей. То есть просвещенные российские интеллигалы превратились в интеллигенцию под влиянием переживания несправедливости.

При осмыслении происхождения интеллигенции вспоминалось и высказывание Н.А. Бердяева о том, что в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства»²⁵. Для российского менталитета, в отличие от народов многих других стран, характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько духовно-нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как: справедливость, истина, красота, вера, совесть и т.д.

Было отмечено, что с самого начала **российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания.** Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Интеллигенция — это не класс, не партия, не профессиональное объединение, у нее никогда не было писаного устава, иерархии, формальной организации. Однако, русская интеллигенция всегда имела свои собственные символы веры, идущую изнутри дисциплину и традиции. Это — независимое, неформальное движение, одно из проявлений способности россиян действовать без подчинения какому-либо лицу, издающему декреты и налагающему на всех единую волю. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально, как прислуживание, поскольку у нее всегда есть свой собственный взгляд на общественное благо. Вместе с тем, принципиально важно, что интеллигенция всегда была готова жертвовать личным благом ради блага народного, не желая взамен никакой награды, кроме сознания исполненного долга.

Отсюда и особая нравственная позиция интеллигенции, ее чувство гражданской и социальной ответственности, способность мучительно переживать протекающие в обществе процессы, а не замыкаться в границах собственного бытия. Отсюда — и представление о ней, как о разуме и совести нации.

В целом университетские дискуссии стали формой развития лихачевской концепции интеллигенции. Было выбрано понимание **интеллигенции как явления культуры, результата культурного развития России.** В таком понимании интеллигенция — это одна из вершин развития европейской духовной традиции, явление, сформировавшееся на российской почве закономерным образом. Формирование подобного слоя людей может быть расценено как высочайшее гуманитарное достижение России, своего рода торжество человеческого духа, лежащее в русле европейского культурного течения. И совершенно не случайно этот особый, в ряде отношений высший «продукт» европейской и (шире) мировой культуры появился, получил развитие именно в Петербурге²⁶.

В дальнейшем данный подход к феномену интеллигенции был развит в ряде исследований СПбГУП, самым масштабным результатом которых стала монография А.В. Соколова «Поколения русской интеллигенции»²⁷. Этот труд содержит огромное количество информации по проблематике интеллигенции и на высоком теоретическом уровне обобщает практически все, что сделано различными исследователями в данном плане.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: ДВЕ МОДЕЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В дискуссиях по данной проблематике нередко встречается утверждение, что основная функция (польза для общества) интеллигенции — в вечном оппонировании власти, в оппозиционности. На самом деле это не так. Ведь власть далеко не всегда неправа. В громадном большинстве случаев, даже в сложнейшие периоды истории, она стремится действовать на благо государства. Оппонировать ей во имя оппозиционности непростительно.

Миссия интеллигенции — оппонировать не власти, а злу, в каком бы облике оно не выступало. Интеллигент — это просвещенный человек, профессионал в своей области, способный быть нравственным примером поведения в любых, даже самых сложных жизненных обстоятельствах. И это — человек светский. Очевидно, что значение интеллигенции возрастает в условиях ослабления религии как нравственного регулятора жизнедеятельности людей и усиления значения гражданского общества. Тогда интеллигенция начинает выступать в роли образцовых граждан, независимых членов гражданского общества, в силу своего особого авторитета усиливающих деятельность его социальных институтов.

В зависимости от поведения власти они могут как поддерживать ее, так и вступать с нею в конфликт.

На практике существует всего два способа построения отношений интеллигенции с властью. Условно их можно назвать «моделью Сахарова» и «моделью Лихачева», хотя эти типы поведения имеют более глубокие исторические корни. Первый строится на бескомпромиссном конфликте интеллигента с властью, когда негативные аспекты ее политики провозглашаются главными, центральными, если не единственными, и на них сосредотачивается все внимание. С властью начинается борьба. Второй тип поведения предполагает в целом лояльность по отношению к власти и концентрацию на критике собственно неправильных ее действий. В этом случае интеллигент выступает в роли доброжелательно-советчика.

Сахаров и Лихачев весьма удобны для сравнения. Находясь в одних и тех же исторических обстоятельствах и являясь людьми близких убеждений, они тем не менее действовали совершенно по-разному. При этом оба были признаны обществом фигурами исключительного масштаба и символами интеллигенции. Общественное сознание в годы перестройки поставило их имена в один ряд как двух великих ученых, выступавших в поддержку перемен и воспринимавшихся в широком смысле выразителями классической русской культуры.

Как известно, Андрей Дмитриевич Сахаров добился огромных успехов в физике и был обласкан начальством, удостоен всех возможных наград и почестей за научный вклад в создание атомной бомбы. Затем по идейно-нравственным соображениям он порвал отношения с властью и перешел в ряды ее непримиримых критиков, диссидентов. Это было тем более необычно, что подавляющее большинство диссидентов его времени занимало антисоветские позиции в силу причин практического свойства.

Скажем, Солженицын изначально в «официальную» оппозицию не стремился. Его конфронтация оказалась вынужденной, обусловленной логикой литературного творчества. Под влиянием внутренней потребности он создавал художественные произведения, которые власть не смогла принять, и был вытолкнут ею в оппозицию. С Александром Зиновьевым то же произошло на почве его научной деятельности в сфере философии — в идеологической по сути сфере.

В тот же период невольно инакомыслящими стали в глазах общественного мнения, к примеру, Иосиф Бродский и Мстислав Ростропович. Ростропович и Вишневецкая ощущали себя творческими личностями мирового масштаба и хотели вести соответствующий образ жизни, ориентируясь на практику, сложившуюся на Западе. А советские власти им этого не позволяли, из-за чего

и разгорелся конфликт. Бродский же вообще не интересовался властью и политикой. Он писал стихи и был человеком «не от мира сего». Чиновникам в силу общей малокультурности это было непонятно и казалось опасным, в результате чего один из талантливейших поэтов XX века был объявлен тунеядцем, подвергнут нелепому и аморальному судилищу и выдворен насильственно из страны.

Наряду с названными фигурами существовала и группа «профессиональных диссидентов», не всегда что-то из себя представлявших в избранных профессиях, но превративших в профессию политическое противостояние власти. Синявский, Буковский, Новодворская — вот фигуры, типичные для данного ряда. Систематическая поддержка их деятельности Западом и отсутствие заметных профессиональных успехов в СССР делали их в глазах общества «агентами врага», своего рода «сержанками Запада».

Сахаров же был личностью совершенно иного рода. Участие в создании ядерного оружия позволяло считать его защитником Родины. В отличие от многих других «инакомыслящих», он не мог извлечь для себя какую-то личную пользу, выгоду от переезда на Запад: носитель оборонных технологических секретов, он ни при каких обстоятельствах не мог там оказаться. К тому же, его профессиональная реализация не предполагала конфликта с властью, напротив, всячески ею поддерживалась. Андрей Сахаров стал «узником совести» в чистом виде, великим узником совести. С Сахаровым можно было не соглашаться по сути его претензий к власти, ему можно было не симпатизировать, но данная ситуация обусловила его громадный нравственный авторитет.

Разумеется, диссидентское движение было весьма разнородным, и его в принципе неправомерно отождествлять с деятельностью интеллигенции. Академик Сахаров же продолжил именно ее традиции. В этом смысле уместно сопоставлять его деятельность с Радищевым, декабристами, Герценом, Чернышевским. Большую пищу для размышлений представляет сравнение Сахарова и с такими феноменами отечественной истории как народовольцы и марксисты (в особенности — Плеханов, Ленин).

Традиция открытого противостояния власти, возрожденная Сахаровым, прерывалась в двадцатые годы в силу физического уничтожения огромной части интеллигенции. Об этом замечательно пишет Д.С. Лихачев: «Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим «смутным» временем. <...> Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной

советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Препоклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося не в 1936-м или 1937 г., а сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разогнан Петроградский университет, какая чистка происходила в студенчестве, сколько ученых были отстранены от преподавания, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота и каким испытаниям подвергались желающие поступить в высшие школы. <...>

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность или даже активно сопротивлялись идеологическому террору — в исторической науке, литературоведении, в биологии, философии, лингвистике и т. д. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полунинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывая себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле»²⁸.

И еще: «Русская интеллигенция вступила в эпоху Красного октября закаленная в своем сопротивлении царскому правительству. <...> Два парохода понадобились осенью 1922 г. («Пруссия» и «Бургомистр Хаген»), чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности»²⁹.

Будучи органично связанным с интеллигенцией всем своим происхождением и жизнью, Лихачев избрал дореволюционную российскую интеллигенцию примером для саморазвития и сознательно сформировал себя по ее образу и подобию. Его взгляды и принципы были осмыслены, воплощены на практике и выстраданы. Но в России времен Лихачева на протяжении почти всей его жизни открытое противостояние власти означало превращение в «лагерную пыль». Он уцелел, изобретая и воплощая в повседневность свои формулы противостояния.

Конфликтность взаимоотношений Дмитрия Лихачева с советской властью была заложена уже в самом факте его «классового» происхождения. Личность, сформированная старой русской культурой, Лихачев был наглядно выраженным «старорежимным» человеком, вышедшим из дореволюционной дворянско-интеллигентской среды и сохранившим верность ее духовно-нравственному

кодексу. Один из сослуживцев отмечал, что неприятие властью Лихачева, как и других интеллигентов, было «вне пределов рационального вообще. Это было рефлексом, звериным чутьем на несходство»³⁰.

Недоброжелатели упрекали Лихачева в приспособленчестве, в том, что он остался жив. Но смысл жизни для большинства людей вовсе не обязательно заключается в борьбе с властью и в политической жизни. Есть и другие ценности: радость семьи, удовольствие от работы, наслаждение познанием — все то, что составляет повседневный смысл жизни человека. Видимо, Дмитрий Сергеевич был по натуре в первую очередь созидателем: «Он потерял почти десять лучших лет жизни из-за ареста и Соловков, но уже в 1941 году, живя в жуткой коммунальной квартире, в одной комнате с маленькими детьми, с одним краном с холодной водой на кухне, с проституткой за стенкой, защитил кандидатскую диссертацию. А потом — война, блокада, вынужденная — по требованию НКВД — эвакуация в Казань, и уже в 1947 году он защитил докторскую»³¹, — рассказывает его дочь. «Для самого деда вопроса эмиграции не существовало — он мог жить только в России, на голодной, больной, истерзанной, но родной земле»³², — дополняет этот рассказ внучка.

Даже занимаясь древнерусской литературой, Д.С. Лихачев постоянно чувствовал себя в опасности. Л.М. Лотман вспоминала: «Постоянная готовность превратить спор или литературную полемику в политические обвинения и обилие «доброхотов», готовых сфабриковать такое обвинение, угнетали. <...> Д. С. сказал мне однажды: «Чувствуешь себя как в оккупации?»³³.

Но решающее значение имел конфликт Д.С. Лихачева с властью в сфере нравственности. Внучка ученого вспоминает: «Постепенно мир становился откровенно раздвоенным. В школе рассказывали про Павлика Морозова — дома дед сообщал, что такого персонажа не было в помине. По телевизору показывали фильм о Чапаеве — дед с отвращением передавал воспоминания своего учителя Аничкова о том, как красный герой лично и с особой жестокостью расстреливал пленных офицеров. Что касается Байкало-Амурской магистрали, то как раз от деда я впервые услышала о том, что ее начали строить заключенные еще в тридцатые годы»³⁴.

Между тем профессиональные достижения Д.С. Лихачева превращали его в крупную общественную величину. Своим новым положением Дмитрий Сергеевич распорядился своеобразно. Даниил Гранин обратил внимание на то, что интеллигентная скромность быта была одной из важнейших черт стиля жизни академика: «Он не был аскетом, любил удобства, комфорт. Но не считал для себя

возможным пользоваться этим, особенно в наше время. Скромная городская квартира, в которой он жил, тесная по современным понятиям для ученого мирового класса, была завалена книгами. Он принимал иностранных гостей со всего мира в маленьких комнатухах в Комарове. Никогда не стеснялся, не считал, что должен иметь какие-то просторные апартаменты. И это сегодня, когда ажиотаж, азарт стяжательства, тяга к богатству охватили все слои общества. <...> Стиль жизни Лихачева — вызов интеллигента всему обществу приобретателей»³⁵. Но был и другой вызов в поведении Лихачева той поры. Он широко использовал возможности, открывавшиеся по мере его научного и общественного признания, для помощи тем, кто в этом нуждался.

Видимо, противостояние власти — это искусство возможного. Лихачев искусно сочетал в подобном противостоянии, с одной стороны, взаимно противоречивые черты прагматика и идеалиста, с другой — человека высокоинтеллектуального и творческого одновременно. И ему удалось буквально пройти по грани бытия и небытия. Не случайно зоркий и внимательный к нюансам жизни Даниил Гранин как-то заметил, что Дмитрий Сергеевич уцелел потому, что был умен и осторожен.

Если иметь в виду общественную деятельность, то прежде всего Д.С. Лихачев выступал в защиту культуры и природы. Филолог Илья Серман вспоминает: «...как только появилась возможность свободного проявления его личных, человеческих качеств, Дмитрий Сергеевич выпрямился во весь рост»³⁶. А Даниил Гранин сравнивает Дмитрия Сергеевича с Сизифом, продолжающим толкать свой камень. И цитирует личные беседы, когда академик говорил ему: «Даже в случаях тупиковых, когда все глухо, когда Вас не слышат, будьте добры высказывать свое мнение. Не отмалчивайтесь, выступайте. Я заставляю себя выступать, чтобы прозвучал хотя бы один голос. Пусть люди знают, что кто-то протестует, что не все смирились»³⁷.

В 1991 году, когда группа государственных деятелей Советского Союза ввела чрезвычайное положение, академик выступил с резким протестом. 20 августа, во второй день ГКЧП, на Дворцовой площади, выступая перед 400-тысячной аудиторией, Д.С. Лихачев сказал: «Не поддавайтесь на лицемерие так называемых руководителей — руководителей заговора... Кто из захватчиков власти в прежние времена не клялся народу его интересами? Не верьте этому. Потому что интересы народа они могли защищать гораздо раньше. Они отвечали за положение в стране, у них и так была власть»³⁸. Безусловно, такое выступление требовало мужества. Тогда никто не знал исхода борьбы за власть.

Джеймс Х. Биллингтон отмечал: «В каком-то смысле он был последним великим представителем высокой культуры старого Петербурга. Но в то же время россияне все больше и больше видели в нем новое воплощение вечного исторического явления — голоса совести, говорящего правду властям. <...> В свойственной ему мягкой, но решительной манере, он защищал цельность и одновременно разнообразие российской культуры, неустанно подчеркивая ее способность стать преобразующей силой в обществе...»³⁹.

Существенно, что Дмитрий Сергеевич не воспринимался российским обществом как политик. Он никогда не стремился к власти. Влияние Лихачева, по сути, было влиянием именно нравственным. Д.А. Гранин заметил: «Его присутствие мешало идти на сделки со своими слабостями»⁴⁰. И еще: «Лихачев был бойцом-одиночкой. Борьбу со злом всегда начинал один, не ожидая подкрепления. В его распоряжении не было ни партии, ни движения. Не было и влиятельной должности, вертушек. В его распоряжении была лишь моральная репутация, авторитет. Правда»⁴¹.

Д.А. Гранину принадлежат интереснейшие высказывания о «модели Лихачева»: «Дмитрий Сергеевич вел себя тихо, пока его мнение не имело для общества и для власти особого значения. Он работал, старался быть незаметным и беспокоился о собственной совести, о душе, желая максимально уклониться от любого, даже малейшего, участия в контактах с властью, тем более — от участия в ее неблагоприятных делах. Спорить с властью, действовать публично на пользу общества Лихачев начал практически сразу, как только получил достаточный общественный статус, как только почувствовал свой вес, понял, что с ним стали считаться»⁴². И там же: «Наверное, в разные эпохи, в разные исторические моменты страна получает разную власть. Когда-то власть более справедлива, когда-то менее. Когда-то она совершает больше ошибок, когда-то меньше. Но «эра милосердия» пока остается лишь утопией. А это означает, что перед каждым новым поколением порядочных людей и перед каждым порядочным человеком в отдельности снова и снова будут вставать те же вопросы, примеры решения которых нам дал своей жизнью Дмитрий Сергеевич Лихачев»⁴³.

Судьба предоставила академику Лихачеву скорбную возможность высказать, что его больше всего привлекало в А. Д. Сахарове. Это произошло в Лужниках на митинге, посвященном кончине Андрея Дмитриевича: «Один праведник может оправдать существование целого народа — вот так, слегка перефразируя библейское изречение, я хотел бы сказать об Андрее Дмитриевиче Сахарове. <...> Он один говорил от лица всех нас. Он

спас и сохранил наши честь и достоинство, подав голос в защиту людей, преследуемых властями, для которых инакомыслие было тягчайшим государственным преступлением. <...> Не знаю, что стало бы с нашим обществом, куда бы оно сегодня зашло, если бы не то незаметное влияние, которое оказывал тихий глуховатый голос Андрея Дмитриевича на страну. <...> В сущности, Сахаров никогда не стремился поразить оригинальностью взглядов, высказать что-то такое, чего не смог бы сказать никто другой. Он всегда говорил и писал о простых человеческих истинах, которые в свободной, демократической стране воспринимаются как нечто совершенно естественное, обыденное. Но в государстве, где обыкновенному человеку запрещено говорить обыкновенные вещи, они, высказанные вслух, становились откровением. Не исключительность, а обыденность тех истин, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров как политик, потрясала людей. Потому что, когда в изолгавшемся обществе один человек говорит правду, каждое сказанное им слово обретает особый смысл. <...> Он был предельно искренен и естественен во всех своих поступках, в любой ситуации оставаясь самим собой. Отсюда необычайная сила его воздействия на людей. Отсюда — громадность его личности, оказавшейся сильнее всех «обстоятельств времени». <...> Все в его жизни было удивительно закономерно, а сам он явился выразителем оставшейся честной части России»⁴⁴. Эти слова удивительно применимы к самому Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Оба выдающихся россиянина по-своему выполняли одну и ту же функцию интеллигенции — нравственного противостояния злу.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Какая модель поведения интеллигента является более целесообразной, полезной обществу, более интеллигентной: Сахарова или Лихачева? Наиболее интересные размышления на эту тему принадлежат Даниилу Гранину.

По мнению писателя, имеют право на существование и нужны обе. «Художники старались как-то гуманизировать власть, делать ее более человеческой. Такое стремление было, допустим, и у Державина, да и у Пушкина. Да и мы тоже стараемся. Вот я был членом Президентского совета, меня Ельцин пригласил. Мы тоже старались, объясняли ему. Но власть все равно считает, что она лучше знает, как править и что будет лучше для народа, а мы, интеллигенция, своими советами только мешаем ей. У власти всегда было пренебрежительное отношение к интеллигенции: она и гнилая, и путается под ногами. <...> Гете был тайный советник в Веймаре,

при маленьком дворе. У Эккермана в «Разговорах с Гете» есть замечательная сцена: идут Гете и Бетховен, беседуют. Навстречу им императорская фамилия. Гете отошел в сторону и поклонился, а Бетховен двинулся в самую гущу сановной толпы. Поведение Бетховена мне всегда было симпатичнее. Но у Гете была своя правда. Он старался что-то сделать и многого добился. Так что у меня отношение к власти такое: с властью приходится считаться, власть иногда хочется и убеждать и в чем-то поправлять. Это редко дает результаты, но все-таки иногда дает... Я не конфликтный человек, я писатель, а это главное. Либо надо конфликтовать, превратиться в диссидента, либо писать и работать. Но душа все-таки не может мириться с глупостями, безобразиями, гадостями, с враньем, иногда душа возмущается»⁴⁵.

С одной стороны, проблема личности и власти — это проблема не только интеллигенции, но и всех порядочных людей, которые нетерпимы не к власти как таковой, а к несправедливости, исходящей от власти. С другой стороны, традиционный конфликт между интеллигенцией и властью имеет глубинную природу: «В 30-е годы Мандельштам написал такие строчки: «Власть отвратительна как руки брадобрея». Сегодняшней молодежи это трудно понять. А в то время процедура бритья содержала ныне исчезнувшие, но при старой технологии не совсем приятные моменты: стремясь выбрить клиента как можно чище, брадобрей мог взять его за нос, оттянуть щеку или залезть пальцами в рот. Делалось это во имя клиента, но... отвратительно. Вот так и властью. Власть невозможна без насилия и уже этим отвратительна. Отвратительна и неизбежна. Интеллигенция чувствует это лучше, чем кто-либо. Отсюда и противостояние»⁴⁶.

Поскольку власть необходима и неизбежна, в условиях авторитарности прямая и открытая конфронтация с ней имеет смысл только в особых случаях — как крайняя форма протеста. Такова российская традиция, уроки отечественного опыта. Роль интеллигенции в этой связи — не столько в прямом и открытом противостоянии с властью, сколько в повседневной систематической работе в пользу повышения нравственности, гуманизации власти и общества.

Интеллигенция — не анархист по своей сути и не является противником власти как таковой. Профессор Женевского университета Ж. Нива вспомнила, как Лихачев излагал свои взгляды по данному вопросу: «государство не должно быть идеологизированным, но оно и не должно быть слабым (как сегодня). Оно должно медленно, мирно уходить. И все понимали, что уход этот должен сопровождаться ростом красоты, гармонии, культуры, словом, Царства Божиего»⁴⁷.

Характерно для интеллигента и высказывание Лихачева, датированное июнем 1994 года: «Демократия без нравственности — абсурд. Переходный период, который всегда во всех странах несет в себе некоторую хаотичность, требует от людей государственных высокой и очень чуткой нравственности. Административная мораль — вот чего нам не хватает после семидесяти пяти лет систематического нарушения нравственных норм. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми»⁴⁸.

Видимо, естественная для интеллигенции сфера деятельности — это не политика, осуществление властных полномочий и т.д., а культура (в широком смысле) и мораль. Интеллигенция — это своего рода хранитель культурного кода нации и генератор будущего (в теории культурного развития будущее рассматривается как проекция прошлого). То есть, интеллигенция — это культурная элита. Зона ее ответственности — национальное самосознание, в особенности — нравственные аспекты.

В теории общественного развития регуляторы жизни социума подразделяются на жесткие и мягкие. Жесткие — это закон и меры по обеспечению его соблюдения. Мягкие — общественное мнение, мораль, нравственность, неформальная деятельность по поддержанию системы ценностей как фундамента общественного развития.

В этой связи интеллигенция может оппонировать не только власти, ее несправедливым действиям или бездействию, не только критиковать пороки той или иной социально-экономической системы, не только бороться за утверждение в жизни общества и государства важнейших по ее мнению ценностей — объектом ее поддержки или протеста могут быть самые разные социальные институты, конкретные предприятия, граждане, проекты, концепции, идеи, образы поведения, поступки и т.д.

В поле зрения интеллигенции неизбежно попадают любые культурные явления и элементы, имеющие значение для общественного развития.

В этой связи интеллигенция в России выступает в роли неформального социального института, дающего оценку новациям. Как известно, новое и общезначимое являются диалектически взаимосвязанными противоположностями⁴⁹. Если какое-то явление является по-настоящему новым, оно не может мгновенно быть признано сразу всем обществом. Первоначально оно отвергается существенной частью граждан и постепенно утверждает себя в ходе апробации, борьбы за

общественное мнение. Когда же борьба за утверждение нового завершается, новое становится общезначимым, но перестает быть новым.

Роль своеобразного «полигона» для апробации новых явлений культуры отводится в современном обществе чаще всего молодежи, так называемой «молодежной культуре» — феномене культурного развития, заявившем о себе в полной мере в последней трети XX века. В последние десятилетия роль «собираателя новаций» все в большей степени выполняют СМИ, движимые стремлением удивить публику и удержать внимание массовой аудитории. Интеллигенция же претендует на сохранение роли своего рода ценителя новаций с точки зрения их соотношения с традиционными ценностями культуры и пользы для ее развития.

В современном обществе интеллигенция — одновременно хранитель старого и творец нового. В культуре всегда закладываются различные ростки для будущего. Они могут быть незаметны современникам, не попадать в фокус их внимания, но составляют особый пласт культуры. Академик В.С. Степин полагает, что техногенная цивилизация, возникшая на Западе с эпохи Ренессанса, особо тщательно культивирует этот пласт: «Идеи, которые адресованы будущему, формируют особый слой людей, которые только ими и занимаются, и публика эта называется <...> интеллигенцией. Ее задача — изобретать программы на будущее»⁵⁰.

В этой связи интеллигенция становится хранителем своего рода «генетического кода» техногенной культуры, потому, что базовые ценности этого кода — творчество, наука, свобода мысли, новации. Развивая эту точку зрения, В.С. Степин обращается к работам эстонского академика советского времени Г.И. Наана: «в обществе должно быть, как в организме, два механизма. Один механизм, который воспроизводит социальную жизнь и определяет устойчивость, охраняет уже сложившиеся нормы — это бюрократия. Механизм, который обеспечивает развитие, движение вперед, заготавливает программы будущей жизнедеятельности — это <...> интеллигенция. И всегда между ними есть борьба. По функциям они разделены»⁵¹.

История России XX века дала нам немало число примеров деятельности интеллигенции, которыми можно гордиться. Писатель Даниил Гранин и поэт Андрей Вознесенский, ученые Абрам Иоффе, Петр Капица, Юрий Лотман, Николай Платэ, Наталья Бехтерева, Леонид Абалкин, Николай Скотов, Абдусалам Гуссейнов, кинорежиссер Михаил Ромм, музейные работники Борис и Михаил Пиотровские, артист Олег Басилашвили... Список этот огромен.

Самым знаменитым российским интеллигентом в мире стал, очевидно, Александр Солженицын. По мнению «Вашингтон Пост», он был «титаном из прошедших времен, презиравшим границы человеческих возможностей и природных сил. Он жил в мире этических максим, непоколебимых ценностей, духовной дисциплины и жертвенной преданности»⁵². Английская «Файнэйнл Таймс», в свою очередь, писала, что «западный мир прославил его и наградила Нобелевской премией по литературе, а многие в родной России объявили его предателем. Однако, столь же жестоко, как и жестокость и коррупцию своей родной страны, Солженицын критиковал Запад, где прожил двадцать лет, за материализм и развращенность. Вспомним, что в 1987 году, в самый разгар «холодной войны», в своем знаменитом обращении к Гарвардскому университету он выступил против «разрушительной и безответственной свободы» жизни на Западе, в том числе против «чрезмерного и обременяющего потока информации» из СМИ; он осудил мирное соглашение, заключенное США во Вьетнаме, и отверг любые идеи о насаждении «западной модели» в России вместо коммунизма»⁵³. В то же время в нашей стране делали свое дело сотни тысяч менее известных, но не менее настоящих интеллигентов: учили школьников и студентов, лечили детей и стариков, проектировали оборудование, совершали научные открытия...

В постперестроечный период общественный статус интеллигенции резко упал. Как наиболее креативная часть населения, интеллигенция не только чаще других критикует власть, но и предлагает ей свои идеи для улучшения различных ситуаций. Вне зависимости от качества идей, их реализация, как правило, сопровождается множеством негативных последствий, вина за которые обычно возлагается на ту же интеллигенцию. И этот процесс воспроизводится с удручающей обществу цикличностью.

Огромный ущерб авторитету интеллигенции наносят и образованцы, ищущие при любом строе почестей, денег и власти. Их деятельность так же регулярно служит основанием для критики интеллигенции. Примерами беспринципного и безнравственного поведения известных представителей творческой элиты являются события последнего времени в Союзе кинематографистов России и некоторых других творческих союзах, деятельность создателей ряда современных телепроектов, разрывание ректорами некоторых ВУЗов подведомственной собственности и распродажа бюджетных студенческих мест. Не менее дискредитируют интеллигенцию и написание учеными научных диссертаций на заказ,

очернительские пиаровские кампании в прессе, реализуемые за взятки, псевдонаучные проекты «рыночного» регулирования экономики, реорганизации российских академий наук и системы образования, создаваемые по заказу чиновников, поддержка губительных для Петербурга архитектурных проектов. Современные высокообразованные интеллектуалы в погоне за наживой создают аморальные художественные произведения, вырабатывают опаснейшие для жизни людей решения, порождающие техногенные катастрофы, загрязняют окружающую среду, организуют поборы в медицине, принимают попирающие законы судебные решения и т.д.

В последние 15–20 лет интеллигенция была отодвинута на задворки общественного развития, пребывала в растерянности. В настоящее время все же наблюдается заметный рост ее активности. Особое беспокойство интеллигенции вызывают коррупция и связанная с нею неэффективность отечественной экономики, провал реформ, затеянных властью в последние годы, в том числе — в форме национальных проектов, расшатывание нравственных устоев общества средствами массовой информации. Эта обеспокоенность не имеет политического вектора развития. Видные деятели науки, культуры, искусства, образования практически непрерывно обращаются к руководству страны с призывами изменить курс развития. Другая форма повышения активности — публикация интеллигенцией различных материалов из сфер своей профессиональной деятельности, свидетельствующих о неблагополучии в стране.

Власть либо не реагирует на эту активность, либо отвечает популистскими акциями, широко освещаемыми СМИ. Возможно, в настоящее время Россия находится в начале нового витка противостояния между интеллигенцией и властью. Что же следует делать интеллигенции в этой ситуации? — Видимо, то же, что и обычно — выполнять свой гражданский долг в меру возможностей и разума.

Примечания

* Запесоцкий Александр Сергеевич, доктор культурологических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Почетный доктор многих зарубежных университетов.

¹ Соколов А.В. Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб.: СПбГУП, 2007. С.3.

² Колоницкий Б.И. Идентификация русской интеллигенции и интеллигентофобий (конец XIX — начало XX века) // Интеллигенция в истории. Образованный человек в представлениях о социальной действительности. М.: ИВИ, 2001. С.150-170.